

Вода в лесном озерце, согретая летним зноем, ласкала кожу приятным, обволакивающим теплом. Сквозь переплетение ветвей пробивались косые лучи солнца, дробясь и играя бликами на изумрудной глади — мягко, свежо, безмятежно.

Громкие всплески нарушали лесную тишину, вторя сбивчивому, неровному дыханию двоих мужчин.

Чи Юй порой ловил себя на странной мысли: как же так вышло, что любое их обсуждение дел неизменно заканчивалось близостью? Возможно, всё дело в том, что само их знакомство началось не с той ноты? Но теперь, когда тело привыкло к чужим касаниям, Чи Юю было уже трудно вспомнить то состояние отчуждённости и холода, которое было его верным спутником в бытность тайным стражем.

Приходилось признать: эти частые прикосновения не были ему противны.

Однако сейчас, когда его буквально за палец заманили в воду, заставили подчиниться и устроили бурную сцену прямо в озере, намочив и без того чистую одежду... Чи Юй, сделав пару гребков, прислонился к огромному валуну, чтобы перевести дух. Он искоса наблюдал за довольным лицом Второго принца.

— А вы весьма выносливы, — обронил он.

И это не было лестью. Проскакать полдня на лошади, перебить стаю волков, а после сохранить силы для «упражнений» на открытом воздухе, да ещё и в воде, где сопротивление среды только выматывает... И при этом — ни тени усталости на лице. С такой энергией принцу стоило бы заняться чем-то более общественно полезным.

Чи Юй почувствовал, как волнение утихает. Ему стало даже немного смешно над самим собой — над тем, как минуту назад он позволил красивому лицу Цинь Су вскружить себе голову. Он ведь прекрасно знал, насколько этот человек может быть вероломным, жестоким и своенравным. Он никогда не думал, что наступит день, когда его сердце дрогнет при взгляде на него.

И всё же в тот миг оно действительно дрогнуло.

Впрочем, ничего страшного. Чи Юй считал себя обычным мужчиной. А для мужчины вполне естественно поддаться мимолётному порыву, будь то зов плоти или очарование момента.

Цинь Су действительно имел на него влияние, но прежде всего он оставался его господином, нанимателем, тем, кто платит жалование и даёт возможности. К тому же у этого человека было лицо, способное толкнуть на грех любого. Даже вечно мрачное выражение глаз не могло скрыть того факта, что Второй принц — писанный красавец. А судить по внешности — общая человеческая слабость.

Сейчас, когда буря в крови улеглась, Чи Юй понял: пришло время поговорить. О чём именно — он и сам до конца не решил. Просто накопились вопросы, на которые требовались ответы.

В их отношениях Чи Юй никогда не пытался захватить власть, но, по правде говоря, никогда её и не терял. Однако теперь он остро ощутил, что контроль над собой начинает ускользать. Это был дурной знак, даже если виновником был его господин.

Он не хотел, чтобы настал день, когда другой мужчина полностью подчинит его себе.

Ни на йоту.

Чи Юю иногда казалось, что мятежный дух у него в крови — он просто не был создан для этого феодального общества. Само понятие «феодализм» всплывало где-то из глубин его памяти. Второй принц, разумеется, относился к нему с поразительной снисходительностью, выходящей далеко за рамки милости господина к слуге, но он понимал: эта снисходительность тоже была частью их ролевой игры.

И он начал в ней тонуть. Это пугало.

— У вас найдётся настроение ответить на пару моих вопросов? — тихо спросил Чи Юй, отдышавшись.

Второй принц усмехнулся:

— Ты ведь ещё на лошади хотел мне что-то сказать? Почему бы не начать с этого?

Чи Юй поднял глаза на Цинь Су.

Какое-то время они молчали. Воздух между ними, казалось, наэлектризовался. Это был немой поединок двух мужчин, в котором никто не желал уступать.

Внезапно Чи Юй всё понял. Вот оно. Эта готовность принца выслушивать его дерзости и была проявлением той самой исключительности. Раньше он и помыслить не мог, что будет так разговаривать с сыном Императора. Но была ли эта милость искренней? И что на самом деле крылось за таким отношением?

Чи Юй не сдержал смешка:

— Как говорится, дорога ложка к обеду. То, что я хотел сказать тогда, уже не имеет значения.

Появились вещи поважнее, которые стоило прощупать.

Цинь Су поджал губы. Глядя на то, как Чи Юй расслабился, он невольно заметил:

— А ты переменчив.

«Может быть».

Чи Юй и сам себя не до конца понимал. Каким чувством продиктовано это желание во что бы то ни стало получить ответ? И что изменится, когда он его услышит? Повлияет ли это на реальность? Изменится ли его нынешняя жизнь?

На самом деле Чи Юю очень нравилось жить в поместье Второго принца. Здесь он чувствовал себя нужным. И это была не та «нужность» инструмента, которую он ощущал, будучи тайным стражем, а нужда в нём как в личности.

Чи Юй видел: взгляд, которым Цинь Су смотрел на него, был настоящим.

Возможно, эта комфортная жизнь даст трещину, но он всё равно хотел знать правду. Даже если ради этого придётся пойти на неслыханную дерзость — «прижать к стенке» самого принца. Может быть, он просто слишком уверился в своей безнаказанности?

Цинь Су избаловал его?

Чи Юй зачерпнул горсть чистой воды, умылся и откинул мокрые волосы назад.

— Переменчивость — это добродетель, — сухо бросил он, повернув голову.

Второй принц долго смотрел на него, прежде чем спросить:

— И о чём же ты хочешь меня спросить?

— Дела здесь завершены. Не думали ли вы, Ваше Высочество... отпустить меня? — спокойно произнёс Чи Юй.

Цинь Су прищурился, задумчиво усмехнувшись:

— Ты действительно хочешь уйти?

— А вы как думаете?

— Я?

Чи Юй встретил его ускользящий взгляд своим, прямым и твёрдым:

— Я догадываюсь, что вы можете ответить. Но даже мне порой хочется услышать правду. Смею ли я надеяться, что мой вес в сердце Вашего Высочества не так уж мал?

Цинь Су вздохнул:

— Тебя так задели слова Пятого брата?

Чи Юй покачал головой:

— Пятый принц тут ни при чём. Или же... вы сами до сих пор не можете смириться с тем, кем я был раньше?

Цинь Су замер. Он сжал кулаки, затем разжал их и, шумно выдохнув, разочарованно погрузился в воду с головой. Спустя мгновение он вынырнул, лицо его было спокойным, а в голосе послышалась самоирония:

— Похоже, сегодня я слишком расслабился, раз позволил тебе загнать себя в угол.

Минутная слабость дала Чи Юю шанс, и тот им воспользовался, заставив принца на миг потерять самообладание. Цинь Су стало даже смешно. По его лицу было ясно: слова об уходе — лишь предлог, способ вытянуть из него признание. И странно — эта манипуляция совсем не вызвала у принца гнева.

Он посмотрел Чи Юю прямо в глаза и серьёзно ответил:

— Разумеется, я не хочу тебя отпускать. Спроси любого из моих братьев — никто не захочет терять подчинённого, который столь же силен в бою, сколь и остр умом. Более того, раз уж ты вошёл в двери моего дома, ты не уйдёшь, пока я сам не охладею к тебе. Это касается и тебя. Я, Цинь Су, никогда не выпускаю добычу, которая уже оказалась в моих зубах.

Он понимал: Чи Юю просто нужно было услышать эти слова. Искренность.

Для подчинённого это было верхом наглости. Но Цинь Су знал: Чи Юй не такой, как остальные. В чём именно заключалось это отличие, он пока не мог сформулировать, но то, что его отношение к этому человеку было особенным — неоспоримый факт. Цинь Су никогда ни к кому не был так снисходителен.

Принцу казалось, что он что-то начинает понимать, но суть ускользала от него. Впрочем, этого было достаточно. По крайней мере, на данный момент.

Для Цинь Су — точно. И для Чи Юя — тоже.

После затянувшегося молчания Чи Юй наконец улыбнулся:

— Солнце уже высоко. Не стоит заставлять других принцев ждать.

Они вышли на берег. Лифэйша, успевший вдоволь наесться и напиться, лениво прогуливался неподалёку. Увидев хозяев, конь радостно заржал.

Высушив одежду с помощью внутренней силы, Чи Юй привычно позволил принцу усадить себя в седло впереди. После разговора обоим было немного неловко, поэтому обратный путь они проделали в молчании.

Когда они проезжали мимо места недавней схватки, груды волчьих тел уже не было. Лишь тёмно-коричневые пятна крови на земле напоминали о том, какая здесь кипела битва.

Зато в лагере волчьи туши лежали целой горой, а рядом «красовались» несколько тушек кабанов и горных зайцев.

Цинь Су с сожалением посмотрел на истерзанные останки волков:

— А ведь я хотел сделать тебе накидку или хотя бы воротник. На накидку, боюсь, уже не хватит, а вот на воротник наскребём.

Чи Юй не сдержал смеха:

— Оставьте это, Ваше Высочество. Посмотрите, в каком они состоянии.

Вскоре вернулись и остальные принцы со своей добычей. К лагерю они подъезжали с гордым видом, но, увидев гору туш, не смогли скрыть изумления.

Седьмой принц вернулся ни рано ни поздно. Увидев груды волков возле брата, он воскликнул:

— Второй брат, ты что, разорил волчье логово?

Цинь Су ответил не без гордости:

— Я же говорил: даже если поделить мой результат пополам, вам со мной не тягаться.

Седьмому оставалось лишь вздохнуть:

— Второй брат, ты невероятен.

Когда все собрались, настало время подводить итоги. Второй принц безоговорочно стал победителем, даже с учётом обещанного штрафа. В итоге он увёз домой целую кучу трофеев от братьев: нефритовые подвески, кинжалы... Вещи, которые носят на себе принцы, по определению не могли быть дешёвкой.

На следующий день об итогах охоты доложили Императору. Тот вызвал Второго принца к себе, похвалил и как бы невзначай спросил:

— Тебе и впрямь так дорог этот мужчина?

Очевидно, слухи о том, как они с Чи Юем выставляли свои чувства напоказ, дошли до самого верха. Цинь Су ожидал этого и ответил прямо:

— Он пришёлся мне по сердцу.

Император вздохнул:

— Я-то думал подобрать тебе достойную, добродетельную супругу.

Цинь Су поспешил утешить отца:

— Не печальтесь, батюшка. Мне суждено остаться без наследников, да и жёнам я приношу лишь беды. Мой удел — одиночество, так разве не благо, если рядом будет хоть кто-то?

Император нахмурился:

— Что за вздор ты несёшь?! Ладно, ладно... Раз он тебе так мил, не стану больше ничего говорить.

Когда этот разговор разлетелся по дворцу, пошли новые толки. Но Чи Юю было не до них.

Сразу после охоты он получил весточку из башни «Фэньюй» — просили помощи в решении одного крайне сложного дела. Доложив Цинь Су, он немедленно покинул столицу. Пока принц беседовал с Императором, Чи Юй был уже в сотне ли от города, даже не подозревая о дворцовых сплетнях.

Он вернулся лишь месяц спустя. Император к тому времени уже перебрался обратно в столицу.

По пути к поместью Второго принца Чи Юй то и дело слышал странные слухи: «Второй принц занемог после возвращения из Сада Роскошных Баньянов... Неужто застарелая хворь приключилась?» Говорили, что он не являлся на утренние приёмы уже семь дней.

В поместье Цинь Су царила гнетущая тишина.

Едва Чи Юй переступил порог, к нему бросился бледный, вне себя от тревоги предводитель тайной стражи. Весть, которую он принёс, была оглушительной:

— Второй принц исчез.

<http://bllate.org/book/17538/1705382>